

DOI 10.15393/j9.art.2017.4341

УДК 821.161.1.09"18"

Елена Александровна Масолова*Новосибирский государственный технический университет
(Новосибирск, Российская Федерация)*

masolova@list.ru

АНТРОПОНИМЫ И ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ТЕКСТ В РАССКАЗАХ Л. Н. ТОЛСТОГО «ЧЕМ ЛЮДИ ЖИВЫ», «ГДЕ ЛЮБОВЬ, ТАМ И БОГ», «МНОГО ЛИ ЧЕЛОВЕКУ ЗЕМЛИ НУЖНО»

Аннотация. В рассказах Л. Н. Толстого «Чем люди живы» и «Где любовь, там и Бог» выбор антропонимической формулы называния во многом предопределен отношением действующих лиц к Евангелию. Детерминируя судьбу действующих лиц, антропонимы выполняют предупредительную функцию и вселяют надежду на благополучный финал произведений. В рассказе «Где любовь, там и Бог» Толстой называет героя только по имени, когда тот не прав; патроним имеет большее значение, чем оним: называние человека по патрониму акцентирует преемственность поколений и религиозно-нравственное начало, заложенное в имени. Вбирая в себя Слово Божие, толстовский герой преображается, в результате чего происходит замена «нейтральной» безымянной формулы называния на антропонимическую с ее христианской семантикой, содержащейся в данном при крещении имени. Семантика антропонимов не всегда «помогает» толстовским персонажам. В рассказе «Чем люди живы» семантика патронимической фамилии Трифонов оказывается «пустой»: Трифонов — бедняк, не выручивший Семена в трудной ситуации, которую отчасти сам создал. В рассказе «Много ли человеку земли нужно» жадный и хитрый Пахом не смог реализовать благостную семантику своего онима и погиб. Как правило, безымянные действующие лица рассказов Толстого отстоят от Бога; исключение составляют женщина с ребенком из рассказа «Чем люди живы» и старичок-странник из рассказа «Где любовь, там и Бог». Речь Ангела в конце рассказа «Чем люди живы» и описание его вознесения коррелируют с евангельским текстом. Формы включения евангельского текста в рассказы Толстого различны: ряду рассказов предпосланы евангельские эпитафии, предопределяющие развитие сюжета; в других рассказах евангельские стихи, которые читает и осмысливает герой Толстого, звучат в его речах и «подчиняют» повествование.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, безымянные персонажи, антропоним, оним, патроним, евангельский текст

В художественном произведении антропонимическая формула названия персонажей обладает моделирующей функцией. Антропонимы (с различными эмоционально-экспрессивными суффиксами) — важное средство конкретизации образов, сочетающее семантику имени, символику и культурно-исторический контекст, которое отражают социальный статус персонажей, раскрывают отношения между ними и формируют их восприятие читателем. В подлинно художественном тексте антропонимы говорящи. У персонажа, выступающего без имени, обобщенный характер, «заданный» его социальным положением, а также семейным статусом или чином мирянской святости.

Основное внимание исследователи обращают на антропонимы в романах Толстого. Согласно Б. М. Эйхенбауму, в «Войне и мире» фамилии действующих лиц являются незначительными и неудачными, поскольку не обладают способностью символизации или обобщения, а внутренне растущие герои названы преимущественно по имени [11, 58]. С точки зрения Е. Г. Ростово́й, в имени *Наташа Ростова* важна его семантика в латинском языке (*natalia* — *рождающая*): героиня в эпиплоге представлена как дающая жизнь; в имени *Николай Ростов* сконденсированы представления о Николае Угоднике; антропоним *Андрей Болконский* указывает на мужественность князя Андрея [8, 82]. Е. Ю. Полтавец считает, что князь Андрей и Пьер соотнесены с Апостолами Андреем и Симоном-Петром [6, 29–34].

В «Анне Карениной» при выборе имен героев Толстой учитывает этимологию их фамилий. Так, фамилия *Каренин* произведена от древнегреческого *κάρηνον*¹, что значит *голова*. Сын Толстого, Сергей, услышав от отца такую этимологию этой фамилии, назвал Каренина головным человеком, у которого рассудок преобладает над сердцем [10, 569]. Б. М. Эйхенбаум полагает, что фамилия *Вронский* звучит как сознательная стилизация писателя, подчеркивающего связь героя с литературными персонажами 1830-х гг. [11, 656]. М. С. Альтман выдвигает версию, что в «Анне Карениной» Толстой использует прием наименования героев посредством перемены букв в именах их прототипов, и возводит фамилию *Облонский*

к *Оболенскому*, а *Корсунский* — к *Корсакову* [1, 10]. Ж. Л. Суркова указывает, что смысловая переключка отчества Константина Дмитриевича Левина и Анны Аркадьевны Карениной является основой становления идиллического плана романа [9, 7]. Имя и отчество Анны, пишет Г. А. Ахметова, намекают на ее изначальную духовность (*Анна* — др.-евр. *благодать*); история Карениной предстает как путь утраты имени и благодати [3, 87].

В романе «Воскресение» А. Г. Горнфельд вскрывает сатирический подтекст, заключенный в этимологии политической фамилии — *Халтюпкина* [4, 259].

Намного меньше исследований посвящено анализу антропонимов в рассказах Толстого 1880–1890-х гг. А. М. Ранчин выявляет, что в рассказе «Хозяин и работник» антропонимы семантизированы и наделены символической функцией; антропоним *Василий Андреич* является травестийным; фамилия *Брежунов* указывает на ложность жизненной позиции героя-купца; смиренный мужик Никита, чье имя означает с древнегреческого *способный к победе*, оказывается победителем над смертью и над грехами хозяина [7, 46]. Н. Н. Лаврова приходит к выводу, что в рассказе «Франсуаза» антропоним заглавной героини при сочетании с существительным *сестра* придает ее имени концептуальное значение [5, 584–586].

Объект нашего исследования — рассказы Толстого «Чем люди живы», «Где любовь, там и Бог», «Много ли человеку земли нужно», изучение которых позволяет выявить причины выбора антропонимов и смены антропонимической формулы названия персонажей. Под *антропонимической формулой названия (антропонимом)* мы понимаем способ именованья действующих лиц, названных по *ониму* (имени), *патрониму* (отчеству), *двучастному антропониму* (имени-отчеству). Мы обращаем также внимание на безымянных толстовских персонажей, чьи имена не указаны рассказчиком.

В рассказе «Чем люди живы» почти все действующие лица названы по гендерному и возрастному признакам: *мужик, баба, человек, мальчик, девочки*; семейному статусу: *мать, отец, жена, дети, сын, дочери*; социальному статусу: *барин, барыня, купчиха*; степени знакомства: *соседи*; профессии и роду

занятий: *овчинник, сапожник, странник, молодец с облучка* (= *малый от барина*). Их характеристики предельно обобщены: даны краткие описания одежды (на сапожнике кафтан, рваный картуз и валяные сапоги; две девочки купчихи в шубках, в платочках ковровых); минимально указан внешний облик:

...человек молодой, <...> не видать на теле побоев, только видно — измерз человек и напуган; <...> не глядит на Семена, буд-то ослаб, глаз поднять не может².

Сам Семен поджарый и Михайла худощавый, а Матрена и вовсе как щепка сухая, а этот <барин> — как с другого света человек: морда красная, налитая, шея как у быка, весь как из чугуна вылит (25, 15–16).

В I главе рассказа главный герой 18 раз назван по профессии — сапожник. Чтобы купить жене шубу, ему нужно было получить с должников деньги. Его должники — безымянные персонажи, названные по последовательности их появления в тексте: сапожник зашел за долгом к *одному мужику*, потом — к *другому мужику*. В разговоре с женой сапожник назвал второго должника по фамилии, образованной от патронима, — *Трифонов*. Семантика имени *Трифон* — *в роскоши жизнь проводящий* (др.-греч.). Толстовский Трифонов — такой же бедняк, как и сапожник; он не мог вернуть долг и заплатил лишь 20 копеек за починку валенок. Не назван по имени и овчинник, который никому не одалживал, считая, что все хотят его обмануть.

Завязка рассказа — в конце I главы, когда в сумерках возле часовни у развилки сапожник увидел неподвижно сидевшего голого человека. Испугавшись, что незнакомец может его ограбить, сапожник хотел было пройти мимо, но, устыдившись своего жестокосердия, с укором обратился к себе, используя местоимение 2-го лица:

— Ты что же это, — говорит на себя, — Семен, делаешь? Человек в беде помирает, а ты заробел, мимо идешь. <...> боишься, ограбят богатство твое? Ай, Сема, неладно! Повернулся Семен и пошел к человеку (25, 9).

Локус встречи Семена с незнакомцем символичен: часовня «призывает» человека служить Богу; развилка — воплощение двух путей человека: праведного, полного сострадания и деятельной любви, и неправедного, чреватого озлоблением, корыстолюбием и отпадением от Бога. Сапожник проявил милосердие к незнакомцу — и рассказчик стал именовать его *Семеном*. Семантика этого имени — *услышанный Богом в молитве, слышащий Бога* (др.-евр.). В рассказе говорится не о том, что Семен молился, а о том, что он помогал людям, никому не желал зла. Жену сапожника звали *Матрена*, что значит *почтенная женщина, матушка* (лат.). Сначала Матрена была не рада гостю, приняв его за пьяницу, и обругала *конопатым псом*. В ответ на отказ жены приютить человека Семен призвал ее вспомнить о Боге, и Матрена, пожалев незнакомца, дала ему одежду и последнюю краюшку хлеба, после чего тот посмотрел на нее и улыбнулся; в конце IV главы Матрена назвала его *хорошим человеком*. Герои служили Богу и «реализовали» благодатную семантику, заложенную в их именах; общаясь с ними, незнакомец по имени Михаил узнал *первое Слово Бога*: в людях есть любовь.

Во II главе рассказчик 10 раз называет незнакомца *человек*; в конце II главы Семен мысленно говорит про него *странник*; в IV главе именование *странник* встречается 11 раз. Смена антропонимической формулы называния переводит восприятие незнакомца в бытийную плоскость: странник сообщает, что его зовут Михаил. На Руси Михайлов день отмечают 8 (21) ноября. Семен встретил Михаила поздней осенью, возможно, в Михайлов день. Имя *Михаил* означает *подобный Богу, равный Богу* (др.-евр.). В Библии Михаил — старший посланник Всевышнего; в православии он — глава святого воинства Ангелов и Архангелов, а также покровитель умерших; в исламе Микаил — Ангел милосердия и смерти. В рассказе «Чем люди живы» Михаил выступил Ангелом смерти и должен был забрать душу роженицы, но сделал это не сразу, проявив сострадание к новорожденным, пожалел их мать, решив, что без нее дети погибнут. В наказание Господь отправил Михаила к людям, чтобы тот узнал три слова Бога. В двух последних главах рассказчик

называет Михаила *Ангелом*, что знаменует искупление его вины перед Богом.

Михаил наделен даром предвидения: барину, заказавшему у него сапоги, он шьет босовики; как только работа была закончена, пришедший от барина малый Федька сообщил, что тот умер. Скоропостижная смерть барина стала наказанием за его пренебрежительное отношение к людям. Забрав босовики, Федька пожелал всем добра. Имя *Федор* означает *дарованный Богом, Божий дар* (др.-греч.). Случившееся подтверждает *второе слово Бога*: никому не дано знать, что человеку для своего тела нужно.

Когда в дом сапожника приходит купчиха с девочками, Михаил не сводит с них глаз. В тех девочках Ангел узнал малюток женщины, чью душу он забрал на небо. Приемной матерью сироткам стала купчиха, имя которой — *Марья* — вызывает ассоциации с Богородицей, к которой православные обращаются с молитвой о спасении детей. Встреча с Марьей помогла Михаилу узнать *третье Слово Бога*: люди живы любовью.

Рассказу Толстого предпослано восемь евангельских эпиграфов, задающих планку оценки происходящего и определяющих развитие сюжета; название рассказа «Чем люди живы» и слова Ангела в XII главе о том, что надо любить друг друга, — парафраз эпиграфов. Ангел дал ответ на вопрос, вынесенный в название рассказа и ставший, по словам В. Н. Аношкиной-Касаткиной, третьим великим вопросом русской литературы — вопросом о сакральных основах жизни человеческого рода [2, 16].

В первых двух эпиграфах рассказа Толстого:

Мы знаем, что перешли из смерти в жизнь, потому что любим братьев: не любящий брата пребывает в смерти (*1 Посл. Иоан. III, 14*).

А кто имеет достаток в мире, но, видя брата своего в нужде, затворяет от него сердце свое: как пребывает в том любовь Божия? (*III, 17*) —

говорится, что тот, кто затворяет сердце от любви, пребывает в смерти. На лице Семена, проявившего жестокосердие, Ангел увидел печать смерти. Когда Матрена хотела выгнать странника,

Ангел почувствовал, что мертвый дух шел из ее рта, и не мог продохнуть от смрада смерти. Семен и Матрена устыдились своей черствости и корысти, и в их лицах Ангел узнал Бога.

В рассказе «Чем люди живы» семантика чисел 6 и 12 совпадает с библейской нумерологической символикой. Шесть лет Ангел провел в доме Семена, прежде чем усвоил Слово Божие. В Библии *шесть* — число творения и совершенства, символ силы, величия, мудрости, любви, милости и справедливости; Бог создал мир за шесть дней, человек был сотворен на шестой день. В рассказе Толстого 12 глав. В Библии число *двенадцать* представляет организацию космоса (12 месяцев, 12 часов дня и ночи), воплощает законченность Божественного круга, вращающего Вселенную; символика этого числа связана с образом Небесного Иерусалима, на 12 воротах которого стоят 12 Ангелов, а на стене, покоящейся на 12 основаниях, сияют имена 12 Апостолов. В XII главе, став свидетелями вознесения Ангела, Семен с женой и детьми были потрясены эпифанией; эта сцена сродни созданию нового человека.

В XI–XII главах при воспроизведении речи Ангела и описании его поведения 29 предложений начинаются с союза *и*, который, как и в Евангелии, подчеркивает логическую последовательность происходящего, создает вневременной контекст и сообщает торжественный ритм повествованию. В XI главе с союза *и* начинаются 20 предложений (из 47), из них в 18 предложениях воспроизведена речь Ангела:

И увидел я впервой смертное лицо человеческое <...>, и страшно мне стало это лицо <...>. И вдруг муж ее напомнил ей о Боге, и женщина вдруг переменялась. И когда она подала нам ужинать, <...> она была живая, и я и в ней узнал Бога. <...> И обрадовался я <...>, и улыбнулся в первый раз (25, 23–24).

В XII главе с союза *и* начинаются 9 предложений (из 18), из них 7 предложений исходят от рассказчика. Описание Ангела исполнено религиозного пафоса:

И запел Ангел хвалу Богу, и от голоса его затряслась изба. И раздвинулся потолок, и встал огненный столб от земли до

неба. <...> И распустились у Ангела за спиной крылья, и поднялся он на небо (25, 25).

«Чем люди живы» приобретает черты притчи, повествующей об осознании человеком Слова Божия.

В рассказе «Где любовь, там и Бог» присутствуют: 1) вне-сценические евангельские персонажи; 2) безымянные простонародные персонажи; 3) герои, названные по имени: сапожник *Мартын Авдеич*, дворник *Степаныч*; внесценические персонажи *Капитошка* и *Аксютка*; 4) *Спаситель*, Которого удостоился принять Авдеич. Большинство евангельских персонажей выступают без онима: *сотник*, *сын вдовы*, *ученики Иоанновы*, *богатый фарисей*, *женщина-грешница* (= *женщина*), *хозяин*, *оброчник*, *должник*. Безымянные простонародные толстовские персонажи названы по 1) семейному статусу: *мальчик* (= *сынишка*, *любимый единственный сын*), *жена*, *сестра*, *дети*, *внучата*, *дочь*, *бабушка*; 2) профессии: *булочник*, *водовоз*, *городовой*, *солдат*, *дворник*, *фонарищик*; 3) гендерному и возрастному признакам: *женщина*, *ребенок* (= *ребеночек*, *детище*), *старуха-торговка*, *мальчишка* (= *мальчик*), *старик* (= *дедушка*); 4) социальному статусу и степени знакомства: *купчиха*, *хозяин*, *хозяин из соседнего дома*, *соседний купец*, *хозяйка*; *знакомые*, *знакомый человек*, *наша бабочка*, *чужие*, *женщина чужая*, *земляк-старичок*; 5) чину мирянской святости: *Божий человек*. Характеристика безымянных толстовских персонажей включает: 1) минимум информации биографического плана (чего не было в рассказе «Чем люди живы»): напр., земляк-старичок сказал Авдеичу, как надо жить; 2) указание на обувь, по которой сапожник распознавал идущих мимо людей, и на их одежду: *новые валенки*, *обшитые старые валенки*, *казенные сапоги*, *чищенные калоши*, *свои сапоги*, *деревенские башмаки*, *рванный картуз*, *шерстяные чулки*, *одежда летняя да и плохая*.

В начале рассказа Авдеич читает главу 6 Евангелия от Луки, где Иисус говорит, что тот, кто слушает слова Бога и исполняет их, подобен человеку, строящему дом с основанием на камне, и дому этого человека не страшно наводнение; тот же, кто слушает слова Бога и не исполняет их, подобен человеку, строящему дом на земле без основания, и наводнение разрушит

этот дом. Авдеич «примеряет» эту притчу к себе и начинает строить свою жизнь по заповедям Бога.

Персонажей этого рассказа можно разделить на две группы: внесценические и сценические — и выявить их отношение к Слову Божьему. В этом рассказе среди героев цитируемых евангельских притч (сотник, вдова, грешница, хозяин, проотивший долг) и среди простонародных действующих лиц (Авдеич, Степан, старуха с мальчиком) одинаковое количество тех, кто внимает Слову Божьему и готов жить по Его заповедям. Количественное «равенство» внесценических персонажей и сценических действующих лиц усиливает их типологическую общность и задает духовную перспективу героям Толстого.

В сцене, когда Авдеич напоил замерзшего дворника чаем, гость 12 раз назван по патрониму — *Степаныч*. В конце рассказа Степаныч выступил из темного угла горенки Авдеича и, улыбнувшись, как облачко растаял. Имя *Степан*, от которого образован патроним толстовского героя, означает на древнегреческом *венюк, венец*; в христианском именослове *Стефан* соотносится со многими святыми, в первую очередь — со святым Стефаном Первомучеником. В рассказе Толстого название человека по патрониму *Степаныч* подчеркивает его богоизбранность. Вечером Авдеич осознал, что удостоился принять Спасителя в образах Степаныча, женщины с ребенком и старухи с мальчиком.

Женщина с младенцем, которую приютил Авдеич, выступает без онима; Авдеич 5 раз называет ее *умница*. В образе этой женщины — воплощении бездомных и помыкаемых — прослеживаются аллюзии на образ Богоматери.

Сына Мартына звали Капитошка. Семантика имени *Капитон* — человек *с большой головой* (лат.), что отражает стремление человека лидировать. Среди известных Капитонов были великомученики Капитон Константинопольский, Капитон Херсонесский и др., а также расколоучитель Капитон (конец XVI — сер. XVII вв.). На Руси с XVII века народ называл раскольников капитонами³. Когда Авдеич похоронил сына, он отчаялся, начал на Бога роптать, перестал ходить в церковь. Давая сыну героя имя *Капитошка*, Толстой имплицитно выразил негативное

отношение к ситуации озлобления человека, похоронившего своего ребенка.

Старухе-торговке, побившей мальчишку за яблоко, Авдеич рассказал притчу о необходимости прощать людей, и та, устыдившись, поведала о своих внуках, в которых души не чаяла. Воспоминание об *Аксютке*, самой ласковой и любимой внучке старухи, умилило и разжалобило ее, и она простила мальчика. Внучка старухи названа так не случайно: имя *Аксинья* означает *гостеприимная* (др.-греч.). Аксютка «помогала» своей бабке быть гостеприимной, т. е. доброй и милосердной.

Потеряв семью, Мартын начал выпивать в трактире, кричать на людей, говорить о них плохо. Возрождение Мартына началось на Троицу, когда восьмой год странствующий земляк-старичок сказал ему, что грешно отчаиваться, что люди должны жить не для своей радости, а для Бога. Странники — праведники, несущие людям Слово Божие, которые на Руси всегда пользовались особым почетом. С образом странника в рассказе Толстого связано число *восемь* («И вот зашел раз к Авдеичу от Троицы земляк-старичек — уж восьмой год странствовал» (25, 36)), символизирующее новое время в Царствии Божием, приобщение к воскресшей жизни. Троица, знаменующая начало обращения людей к Богу, и беседа со странником помогли Мартыну обрести смысл жизни.

Толстой 4 раза называет главного героя по двухчастному антропониму — *Мартын Авдеич*, 9 раз — по ониму и 71 раз — по патрониму. Оним *Мартын* генетически восходит к древнеримскому *Martinus* и означает *принадлежащий богу войны Марсу*. На Руси, в народной среде, латинское значение этого когнонима, скорее всего, было утрачено; христианская форма этого имени — *Мартин*; в христианском именовании *Мартин* соотносится с Мартином Турским, папой римским Мартином Исповедником и др.; к святому Мартину обращаются с молитвой о сохранении целомудрия. *Авдей* (или *Авдий*) — один из двенадцати Ветхозаветных пророков, чье имя означает *слуга Бога* (др.-евр.). В антропониме *Мартын Авдеич* соединяются изначальный протест, воинственность — и смирение, верность Господу.

В экспозиции толстовский герой трижды назван по двух-частному антропониму, что звучит нейтрально и информативно:

Жил в городе сапожник Мартын Авдеич. <...> Мартын Авдеич по сапогам узнавал людей. Мартын Авдеич жил давно на одном месте (25, 34).

В рассказе «Где любовь, там и Бог» повествователь называл человека только по имени, когда тот был не прав: овдовев, Мартын хотел отдать сына сестре в деревню, судил Божьи дела и, «торопя» события, сказал гостям, что Господь обещал прийти к нему. Патроним *Авдеич* становится немым укором христианину, временно отступившему от многовековых религиозных традиций:

Скука такая нашла на Мартына, что не раз просил у Бога смерти и укорял Бога за то, что Он не его, старика, прибрал, а любимого единственного сына. Перестал Авдеич и в церковь ходить (25, 35–36).

Последний раз рассказчик назвал героя *Мартыном*, когда тот, проводив Степаныча, стал ожидать в гости Христа-Батюшку.

Уважительно, по имени-отчеству, обратился к главному герою Степаныч, поблагодарив за гостеприимство и евангельскую притчу.

У человека появились иные жизненные ценности, и его название по ониму уступает место величанию по патрониму, что соответствует традиционному в народной среде именованию уважаемого человека, продолжающего дело отца; патроним с его благостной и «обязывающей» семантикой «диктует» христианину необходимость поступать по заповедям Бога. Рассказчик называет героя *Авдеичем*, когда тот читает Евангелие и совершает добрые дела.

Господа, которого ожидал Авдеич в гости, в рассказе 10 раз называют *Христос*, 2 раза — *Христос-Батюшка*, 3 раза — *Батюшка*, в конце рассказа — *Спаситель*. Пиитетное именование *Спаситель* (вместо просторечного *Батюшка*) и эпифания, в которую уверовала семья Авдеича, придают повествованию черты видения и притчи; фабула рассказа «Где любовь, там и Бог» оказывается вторичной, «иллюстрацией» к евангельскому тексту.

Речь странника, наставляющего Мартына на путь истинный, звучит как проповедь с ее параллельными синтаксическими конструкциями, характерными для евангельского текста:

И сказал ему старичок: <...> И старичок сказал: <...> И сказал старичок (25, 36).

Слова странника явились для Авдеича преддверием новой жизни, построенной на Божьих заповедях, и руководством к действию.

Ежедневное чтение Евангелия стало для Авдеича духовной потребностью. В его жизни сбылось то, что Господь обещал Своим ученикам: Дух Истины наставил Авдеича на путь служения Богу и людям:

...все от книги оторваться не может. <...> И что больше читал, то яснее понимал, <...> как надо для Бога жить; и все легче и легче ему становилось на сердце. Бывало, <...> охает <...> и все про Капитошку вспоминает, а теперь только приговаривает: «Слава Тебе, слава Тебе Господи! Твоя воля» (25, 36).

Рассказчик совмещает в одном предложении глаголы будущего времени в значении настоящего времени, воспроизводящие радостное предвкушение человека от чтения Писания, и глаголы настоящего времени, которые описывают осмысление Авдеичем евангельских притч и придают процессу чтения торжественный учительский характер:

С утра садится за работу, отработает свое время, снимет лампочку с крючка, поставит на стол, достанет с полки книгу, разложит и сядет читать. И что больше читает, то больше понимает и то яснее и веселее на сердце (25, 36–37).

Показав изменение эмоционального настроения Авдеича, рассказчик цитирует те евангельские стихи, которые читает герой, и воспроизводит внутренний монолог человека, начинающего воспринимать мир по заповедям Бога:

«Ударившему тебя по щеке подставь и другую <...>. Всякому просящему у тебя давай, и от взявшего твое не требуй назад. <...> Всякий проходящий ко Мне, слушающий слова Мои и исполняющий их, <...> подобен человеку, строящему дом <...> на камне <...>».

Прочел эти слова Авдеич, и радостно ему стало на душе. <...> И стал он примерять свою жизнь к словам этим. И думает сам с собой:

— Что, мой дом на камне или на песке? Хорошо, как на камне. <...> кажется, все и сделал, как Бог велит, а рассеешься — и опять согрешишь. <...> Помоги мне Господи! (25, 37)

Прочитав в главе 7 Евангелия от Луки, как богатый фарисей позвал Господа к себе в гости, но только женщина-грешница достойно приняла Его, Авдеич задумался о том, сможет ли он достойно принять Господа в своем доме. Герой вспоминал *Христовы речи разные*, сверял свои поступки с заповедями Бога, бескорыстно делился с людьми едой и деньгами и достойно прошел испытание на верность Божьим заповедям. Говоря со Степанычем о Боге, Авдеич почти дословно цитирует стихи из всех Евангелий. Ср.:

Кто, говорит, возвышается, тот унизится, а кто унижается, тот возвысится. Вы Меня, говорит, Господом называете, а Я, говорит, вам ноги умою. Кто хочет, говорит, быть первым, тот будь всем слуга. Потому что, говорит, блаженны нищие, смиренные, кроткие, милостивые (25, 40).

Ибо, кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится (Мф. 23:12).

...Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, <...> вы должны умывать ноги друг другу (Ин. 13:14).

...кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою (Мк. 9:35).

Блаженны нищие духом, ибо ваше есть Царствие Божие (Лк. 6:20).

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю (Мф. 5:5).

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут (Мф. 5:7).

Слова Авдеича о необходимости прощать — парафраз евангельских заповедей. Ср.:

— <...> Коли его за яблоко высечь надо, так с нами-то за наши грехи что сделать надо? <...> Бог велел прощать, <...> а то и нам не простится (25, 43).

А если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших (Мф. 6:15).

...кто из вас без греха, первый брось на нее камень (Ин. 8:7).

В конце рассказа герой читает Евангелие, которое само открывается на словах, сказанных Иисусом людям, достойно принявшим Его. По отношению к Авдеичу эти слова звучат как одобрение человеку, который помогал другим:

— И взалкал Я, и вы дали Мне есть, жаждал, и вы напоили Меня, был странником, и вы приняли Меня... <...> Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих, меньших, то сделали Мне (25, 45).

В рассказе «Много ли человеку земли нужно» персонажи названы по гендерному и возрастному признакам: *мужик, старики, бабы*; семейному и социальному статусам: *старшая сестра, меньшая сестра, дети, жена, муж, сын, свояк; купец, хозяин, барыня, солдат отставной, приказчик, дворник, работник, помещик, купцы-мужики, старишина*; степени знакомства: *мужики-соседи, мужик прохожий, купец намеднишний*; профессии и роду занятий: *пастух, судьи, переводчик, писарь*; принадлежности к inferнальному миру: *черт (= нечистый, дьявол)*; этнониму: *башкирицы*.

Только у двух персонажей этого рассказа указан оним: *Семка (= Семен)* и *Пахом*. Заподозрив Семку в порубке леса, Пахом хотел его засудить. Семантика имени *Пахом* — *толстый, крепкий* (др.-греч.). Бог услышал жалобы Семена и наказал его обидчика. Сильному, выносливому, самоуверенному Пахому, который презирал всех, не читал Евангелие и хотел «земли в вечность купить» (25, 71), «защитная» семантика имени не помогла. Во сне он увидел дьявола с рогами и копытами, смеявшегося над лежавшим перед ним мертвым человеком, в котором Пахом узнал себя; но мужик не внял этому вещему сну. Неуемное стремление Пахома обогатиться было так велико, что он пустился бежать наперегонки с солнцем, желая обежать за день как можно больше земли. Пахом был осмеян башкирами и погиб с мыслями об ускользавшей наживе, после чего получил причитающиеся любому покойнику три аршина земли. Название рассказа Толстого служит

предостережением людям, стремящимся к богатству любой ценой, а сам рассказ выступает как притча о человеке, который, забыв о душе и думая только о материальном, погиб.

Итак, в рассказах Толстого «Чем люди живы» и «Где любовь, там и Бог» выбор антропонимов предопределен отношением действующих лиц к Евангелию. Оним и особенно патроним «обуславливают» судьбу толстовских героев; несправедливо живущему человеку религиозная семантика его онима не «помогает». Как правило, безымянные действующие лица рассказов Толстого отстоят от Бога, за исключением женщины с ребенком из рассказа «Чем люди живы» и старичка-странника из рассказа «Где любовь, там и Бог». Формы включения евангельского текста в народные рассказы Толстого различны: ряду рассказов предпосланы евангельские эпитафии, задающие алгоритм развития сюжета; в других рассказах евангельский текст, который читает герой, «подчиняет» повествование. В конце рассказа «Чем люди живы» речь Ангела и описание его вознесения коррелируют с евангельским текстом. Толстой воспроизводит евангельское значение чисел 6, 8 и 12, соотносит события в жизни героев с евангельской символикой (голос с неба в «Чем люди живы») и христианским календарем («отсчет» преобразования Авдеича начинается с Пасхи). Все это позволяет утверждать, что народные рассказы Толстого, написанные в контексте христианской литературы, обретают дополнительный смысл.

Примечания

- ¹ Слово используется в поэтическом языке Гомера и Эсхила. См.: Древнегреческо-русский словарь / под ред. И. Х. Дворецкого. М.: Гос. изд-во иностран. и нац. словарей, 1958. Т. 1: А–Л. 1043 с.
- ² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: ГИЗ «Худож. лит.», 1937. Т. 25. С. 9. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.
- ³ Капитоны — «первые послѣдователи раскола безпоповщины, по старцу Капитону, въ Костр. и Вологод. губ. при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ». (Толковый словарь живаго великорусскаго языка. Владиміра Даля. М.: Изданіе М. О. Вольфа. 1881. Т. 2. С. 88).

Список литературы

1. Альтман М. С. Читая Толстого. — Тула: Приокское книжное изд-во, 1966. — 168 с.
2. Аношкина-Касаткина В. Н. Третий великий вопрос в русской литературе: «Чем люди живы» Л. Н. Толстого // Проблемы исторической поэтики: сб. науч. тр. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2017. — Т. 15. — № 1. — С. 7–16.
3. Ахметова А. Г. Мифологический лейтмотив в романе Льва Толстого «Анна Каренина» // Фольклор народов России. — Уфа, 2006. — С. 83–94.
4. Горнфельд А. Г. Об одной фамилии у Льва Толстого // Горнфельд А. Г. О русских писателях. — СПб., 1912. — Т. 1. — С. 255–261.
5. Лаврова Н. Н. Антропонимы в рассказе «Франсуаза» и в пьесе «Живой труп» Л. Н. Толстого // Вестник Нижегородск. ун-та им. Н. И. Лобачевского. — 2010. — № 4 (2). — С. 584–586.
6. Полтавец Е. Ю. Мифопоэтика «Войны и мира» Л. Н. Толстого. — М.: Ленанд, 2015. — 224 с.
7. Ранчин А. М. Переключка Камен: Филологические этюды. — М.: Новое литературное обозрение, 2013. — 656 с.
8. Ростова Е. Г. Символика имен собственных в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» // Русский язык за рубежом. — 2012. — № 5. — С. 79–83.
9. Суркова Ж. Л. Поэтика романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Иваново, 2003. — 17 с.
10. Толстой С. Л. Об отражении жизни в «Анне Карениной» // Литературное наследство. — М., 1939. — Т. 37/38. — Кн. II. — С. 566–590.
11. Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой: исследования. Статьи. — СПб.: Факультет филологии и искусства СПбГУ, 2009. — 952 с.

Elena A. Masolova

*Novosibirsk State Technical University
(Novosibirsk, Russian Federation)*

masolova@list.ru

ANTHROPONYMS AND EVANGELICAL TEXT IN TOLSTOY'S STORIES "WHAT MEN LIVE BY", "WHERE LOVE IS, THERE GOD IS ALSO", "HOW MUCH LAND DOES A MAN NEED?"

Abstract. In Tolstoy's stories "What Men Live by" and "Where Love Is, There God Is Also" the choice of an anthroponymic formula of designation is predetermined by the attitude of characters to the Gospel. By determining people's destiny anthroponyms fulfil a preadvice function and inspire hope for the happy final of the story. In the story "Where Love Is, There God Is Also" the narrator uses a character's proper name when the latter is wrong; a patronymic

has a greater value than a personal name as far as identifying a person by his patronymic name emphasizes the succession of generations as well as the religious and moral essence laid in the name. Tolstoy's character absorbs the Divine Word and as a result, gets transformed. The "neutral" impersonal naming formula is replaced by the anthroponymic naming formula with its Christian semantics obtained while baptizing. Semantics of anthroponyms not always "helps" Tolstoy's characters. In the story "What Men Live by" the semantics of patronymic Trifonov turned to be "empty": Trifonov is a poor man who did not help Semyon in a difficult situation caused partly by Trifonov himself. In the story "How Much Land Does a Man Need?" greedy and cunning Pakhom failed to realize the positive semantics of his personal name and died. Tolstoy's nameless characters are usually separated from God; the exception is a woman with a child from the story "What Men Live by" and an old wanderer from the story "Where Love Is, There God Is Also". Angel's speech at the end of the story "What Men Live by" and the description of his Ascension correlate with the Gospel text. The forms of inclusion of the Gospel text in Tolstoy's stories are different. Evangelical epigraphs that predetermine the evolution of the storyline. In some stories Tolstoy's character reads and comprehends the evangelical verses; the Gospel text sounds in his speeches and "subdues" the narrative. All this leads to an increase in the meaning of Tolstoy's "national stories", written within the context of Christian literature.

Keywords: Tolstoy, nameless characters, anthroponym, personal name, patronymic, evangelical text

References

1. Al'tman M. S. *Chitaya Tolstogo [Reading Tolstoy]*. Tula, Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1966. 168 p. (In Russ.)
2. Anoshkina-Kasatkina V. N. The Third Great Question in Russian Literature: "What Men Live by" by L. N. Tolstoy. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2017, vol. 15, no. 1, pp. 7–16. (In Russ.)
3. Akhmetova A. G. A Mythological Keynote in Leo Tolstoy's Novel "Anna Karenina". In: *Fol'klor narodov Rossii [Folklore of the Peoples of Russia]*. Ufa, 2006, pp. 83–94. (In Russ.)
4. Gornfel'd A. G. About One Surname in Tolstoy's Works. In: *Gornfel'd A. G. O russkikh pisatelyakh [Gornfeld A. G. About Russian Writers]*. St. Petersburg, 1912, vol. 1, pp. 255–261. (In Russ.)
5. Lavrova N. N. Anthroponyms in the Story "Francoise" and in the Play "The Living Corpse". In: *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta imeni N. I. Lobachevskogo [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod]*. Nizhny Novgorod, 2010, no. 4 (2), pp. 584–586. (In Russ.)
6. Poltavets E. Yu. *Mifopoetika «Voyny i mira» L. N. Tolstogo [Mythopoethics of "War and Peace" by L. N. Tolstoy]*. Moscow, Lenand Publ., 2015. 224 p. (In Russ.)

7. Ranchin A. M. *Pereklichka Kamen: Filologicheskie etyudy* [*The Dialogue of Camenae: Philological Essays*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. 656 p. (In Russ.)
8. Rostova E. G. Symbolism of Proper Names in Leo Tolstoy's Novel "War and Peace". In: *Russkiy yazyk za rubezhom* [*Russian Language Abroad*]. Moscow, 2012, no. 5, pp. 79–83. (In Russ.)
9. Surkova Zh. L. *Poetika romana L. N. Tolstogo «Anna Karenina»*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [*The Poetics of the Novel "Anna Karenina" by L. N. Tolstoy. PhD. philol. sci. diss. abstract*]. Ivanovo, 2003. 1758 p. (In Russ.)
10. Tolstoy S. L. About the Depiction of Life in "Anna Karenina". In: *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*]. Moscow, 1939, vol. 37/38, book 2, pp. 566–590. (In Russ.)
11. Eykhenbaum B. M. *Lev Tolstoy: issledovaniya. Stat'i* [*Leo Tolstoy: Researches. Articles*]. St. Petersburg, Faculty of Philology and Art of St. Petersburg State University, 2009. 952 p. (In Russ.)